

Этот ответ Отец Лян не хотел обдумывать, но он не мог заставить себя не думать об этом, потому что даже без размышлений он уже догадался. Он судорожно сжимал кулаки, и его захлестнула волна гнева. Из-за сильного эмоционального потрясения у него даже закружилась голова, и он, пошатнувшись, ухватился за край стола.

Лян Каншэн ещё не сказал, что Чжуан Цинцзэ подсыпал яд, он лишь упомянул, что тот, возможно, вмешивался, чтобы ухудшить его здоровье. Однако Отец Лян уже пришёл в такую ярость, что Лян Каншэн невольно порадовался, что в тот раз не поведал о проблеме с глиняными кувшинами.

Поддерживая отца, Лян Каншэн успокаивал его:

— Отец, я консультировался с другими врачами, и они сказали, что я часто болею из-за слабого здоровья с детства. Теперь я следую советам одного врача, регулярно гуляю и занимаюсь физическими упражнениями, и мне стало намного лучше. Врач сказал, что я ещё молод, и моё тело быстро восстанавливается, так что в будущем станет ещё лучше.

— Это хорошо, — сквозь зубы проговорил Отец Лян.

Он и его жена приложили немало усилий, чтобы поправить здоровье сына. Если бы не удача, что они вовремя обнаружили, что лекарство было негодным, неизвестно, что могло бы случиться через несколько лет.

Гнев вредит здоровью, и Лян Каншэн не хотел, чтобы отец продолжал думать об этих раздражающих вещах. Он спокойно сказал:

— Отец, это всего лишь наши частные предположения, и не обязательно, что всё именно так. Возможно, это Цюй И принёс нам удачу, когда вошёл в наш дом.

Говоря о зяте, Отец Лян был доволен. Он был хорошим парнем. Если не говорить о прочем, то только тот факт, что после его вступления в семью он каждый день сопровождал сына на прогулках и заботливо ухаживал за ним, благодаря чему здоровье сына улучшалось с каждым днём, уже не оставлял места для нареканий.

Увидев, что внимание отца переключилось с лекарств, Лян Каншэн заговорил о виноделии. Зерно уже было заложено в погреб, следующим шагом было приготовление вина. Лян Каншэн в теории знал многое, но на практике никогда этим не занимался. В этом году он планировал учиться у отца.

Отец не мог ничего утаить от сына, поэтому постарался рассказать Лян Каншэну всё, что умел, и посоветовал не торопиться: в этом году, участвуя в процессе вместе со всеми, он сможет многое понять.

Говоря о виноделии, нельзя было не вспомнить глиняные кувшины, которые сегодня привёз Чжуан Цинцзэ. Лян Каншэн подумал и всё же упомянул:

— Отец, кувшины, которые привёз дядя, давай пока оставим на нашей винокурне. Когда кувшины от брата Фана придут, мы сможем сравнить их.

— Я думаю, мы могли бы использовать пару кувшинов, привезённых дядей, чтобы сварить немного вина. Если вино получится, то хорошо, если нет, то, когда дядя спросит, мы сможем сказать, что в этом году снова испортили вино.

— А те кувшины, которые нам не пригодятся, я думаю, можно продать по низкой цене жителям окрестных деревень. Эти кувшины, хотя и не подходят для виноделия, могут использоваться для хранения воды или зерна, чтобы ничего не пропадало зря.

Некоторые из испорченных кувшинов с вином попадали во двор семьи Лян, где использовались для хранения воды на случай пожара или для других нужд. непригодные кувшины складывались в углу винокурни. Поскольку их было не так много, никто не задумывался о том, как их использовать.

Но в прошлом году испортилось слишком много нового вина, и даже после того, как часть его переработали в уксус и продали, пустых кувшинов осталось больше, чем обычно. Все они лежали без дела, и в этом году их стало ещё больше. Хранить их на винокурне было нецелесообразно, так как они занимали место, поэтому лучше было продать их по низкой цене.

Отец Лян считал, что кувшины — это не такая уж большая проблема, и позволил Лян Каншэну самому решить, что с ними делать. В любом случае, сейчас он не мог смотреть на них без раздражения, так что лучше было избавиться от них.

Выйдя из кабинета, Лян Каншэн подумал и решил позвать Цюй И с собой на винокурню. В этом году они купили более шестидесяти больших глиняных кувшинов, и на их чистку ушло бы немало времени. Он рассудил, что, поскольку эти кувшины в основном непригодны, не стоит тратить время на их тщательную уборку. Лучше сначала попросить божественную систему осмотреть их, чтобы определить, какие можно использовать, а какие оставить как есть.

Поскольку дело касалось виноделия, система отреагировала с энтузиазмом и вскоре предоставила данные о кувшинах. К их удивлению, из такого количества кувшинов лишь четыре или пять были более или менее пригодны.

И даже эти несколько кувшинов не соответствовали стандартам, они были просто немного лучше остальных и могли быть использованы для виноделия.

Услышав этот результат, лицо Лян Каншэна помрачнело. Он верил словам божественной системы, поэтому задался вопросом: неужели дядя, попробовав сладкого в прошлом году, в этом году зашёл ещё дальше?

Один глиняный кувшин для виноделия стоил восемьсот монет, а испорченные считались браком и стоили всего двести-триста монет. Разница в цене между покупкой кувшинов из гончарной мастерской и браком составляла три-четыре лян серебра.

Честно говоря, Лян Каншэн не мог понять, что именно задумал его дядя. Судя по его поведению в прошлой жизни, он явно хотел заполучить винокурню, обманув их с отцом. Но, глядя на его действия в этой жизни, казалось, он намеревался разрушить её.

Если в один год новое вино оказывалось плохим, и его получалось мало, можно было списать это на случайность. Но если проблемы возникали два года подряд, покупатели наверняка начинали сомневаться: может, с винокурней семьи Лян что-то не так? Стоит ли продолжать покупать их вино, или лучше перейти к другим производителям?

Испорченная репутация могла восстанавливаться годами, и Лян Каншэн не понимал, зачем Чжуан Цинцзэ поступал таким образом.

Цюй И, видя, что Лян Каншэн расстроен, успокоил его:

— Давай не будем думать об этом. Пусть эти кувшины пока полежат у мастера Лю, а когда кувшины от господина Фана придут, мы разберёмся.

Некоторые вещи можно понять разумом, но не всегда сердцем.

Цюй И подумал, что его муж отличался от него. Поскольку с детства в семье Цюй бабушка плохо относилась к нему и его брату, он мог спокойно искать способы изменить отношение дяди и занять бабушку делами.

Но дядя Лян Каншэна раньше хорошо к нему относился, и только потом изменился, поэтому у Лян Каншэна остались к нему чувства, и каждый раз, узнавая о его поступках, он чувствовал разочарование и боль.

К счастью, Лян Каншэн быстро справился с эмоциями. Немного погрузив, он пришёл в себя, отдал распоряжения мастеру Лю и другим, а затем покинул винокурню.

Пока Лян Каншэн и его команда проверяли партию кувшинов, доставленных на винокурню семьи Лян, в провинциальном городе главный управляющий торгового дома Синдэ с удивлением смотрел в бухгалтерскую книгу:

— О, торговый дом должен отправить кувшины семье Лян из Янъань? Когда мы покупали уксус, такой сделки не было.

Как главный управляющий, он ежедневно занимался множеством дел, но у него была отличная память, и вскоре он вспомнил, что это за заказ.

Это не было частью сделки, которую он и управляющий Ма обсудили с семьёй Лян. Это было поручение, которое дал второй молодой господин после возвращения с окружного экзамена. Запись о семье Лян, покупающей у них вино и уксус, относилась к той же семье Лян?

Более знакомым с уездом Янъань был управляющий Ма, который как раз вернулся и больше не уезжал. Главный управляющий приказал позвать его, чтобы задать несколько вопросов.

Управляющий Ма ничего не знал о кувшинах. Услышав вопрос главного управляющего о том, сколько семей Лян есть в Янъань, он подумал и ответил:

— Главный управляющий, насколько я знаю, в Янъань только одна семья Лян занимается виноделием и использует большие глиняные кувшины. Других семей Лян, занимающихся виноделием, нет, даже те, кто делает соусы и уксус.

Он хорошо разбирался не только в виноделии, но и в приправах, так как раньше занимался именно ими, а затем был переведён на управление вином и сахаром.

Убедившись, что это та самая семья Лян, главный управляющий подумал и решил перед отъездом поговорить со вторым молодым господином, так как это было его личное поручение.

Когда главный управляющий торгового дома упомянул, что кувшины для семьи Лян готовы, Фан Цзюньань хлопнул себя по лбу:

— Ой, я так увлёкся учёбой в последнее время, что совсем забыл об этом. Тогда брат Лян просил доставить их в октябре. Хорошо, что вы напомнили мне, главный управляющий.

После успешной сдачи окружного экзамена Фан Цзюньань несколько дней наслаждался

отдыхом дома. Однако через два дня родители отправили его обратно в академию, чтобы он продолжил учёбу. Его следующей целью было сдать академический экзамен и получить звание дипломированного учёного.

Что касается преподавателей академии, где учился Фан Цзюньян, они изначально не ожидали, что он сдаст окружной экзамен в этом году. Фан Цзюньян был умным, но в учёбе ему не хватало понимания. Когда ему говорили одно, он думал о другом.

Однако, поскольку он не злоупотреблял своим богатством в академии, преподаватели относились к нему неплохо. К их удивлению, он сдал экзамен с первого раза, и с тех пор стали относиться к нему с большим уважением. С этого момента жизнь Фан Цзюньяна в академии стала напряжённой.

<http://bllate.org/book/16698/1533922>